

Николай РОГОЖИН*п. Мурмаши, Мурманская область*

Тринадцатый МЕСЯЦ

В последнее время праздник для меня — это что-то особенное, трепетное, потому как редкое и волнительное событие. И действия от приглашения получаются с порывов, появляющихся вдруг, вспышкой. Вот и теперь, когда накануне меня позвали на день рождения, да еще в рейсе и в престижную компанию вместе с капитаном, — я не удержался и понес имениннику свой дезодорант, едва начатый. Его купил как-то походя, имея свободные деньги, бездумно, потому что изысками такими никогда себя не баловал. Был, помнится, такой же подарок от любимой когда-то женщины, — так я его растрчивал года два или более, пока маленький тридцатимиллиметровый флакончик совсем не перестал расточать аромат былого очарования совместных ночей...

Я шел с еще одной приглашенной к назначенному времени и переживал за вручение, но оказалось, церемониал уже начался и я с зада-

чей справился легко и быстро. Два старпома, штурман, подшкипер и буфетчица и еще подошедший позднее капитан были мне давно знакомы, несколько лет, с того времени, как я покинул это судно, пройдив одиннадцать месяцев, и оно потом простояло долгие три с половиной года и вот теперь, возрожденное, заправленное топливом на ближайшее пятилетие, готовое к новым подвигам, маршрутам, походам, оно уже совершило прикидку, на месяца полтора, и вернулось подремонтироваться, заменить людей. А я здесь очутился благодаря превратностям судьбы моряка, судового доктора, — совсем неожиданно. Меня перевели с другого судна, где я спокойно готовился, основательно, неторопливо, — к очередному рейсу, после хлопотливого отпуска, завершая все начатые дела «на берегу», и в сроки как раз укладывался. Но вот этот неожиданный отход, на полный цикл в четыре месяца, с бешеной

скоростью сборов, спешных наставлений, утрясок... Утром в первый «морской» день я чуть не проспал на завтрак, позабыв о местном распорядке. Здесь не включали трансляцию до одиннадцати утра и прекращали вещать сразу после двадцати трех. Такова была традиция — охранять сон отдыхающих, с вахт.

Во время застолья зашел об этом разговор. Я вспоминал, как столкнулся с этим правилом через два дня после моего появления здесь. А теперь заметил непонимание меня окружающими, неудовольствие, высказанное в корректной форме. Я все-таки тогда добился объявления по радио — о поиске мужа пострадавшей. Последняя уже вышла из наркоза, ей был уже не нужен медицинский присмотр, а лишь наблюдение, пригляд близкого человека, и никто, естественно, лучше бы мужа этого сделать не мог. «А была ли возможность отыскать того бедового без объявления?» — спрашивает капитан. «Была», — вру я неосознанно, а сам прикидываю, что, наверное, можно было вычислить исчезновение супруга, но ведь потребовалось бы время, беспокойство для других, которые бы искали потерявшегося... Празднество продолжается своим вымученным чередом, а мне уже становится томительно сидеть среди самодовольных собеседников, и я неожиданно вспоминаю недавно произошедший эпизод. Состояние вновь обретенного самосознания рассыпалось буквально вчера, накануне этого пресловутого праздника. Появившись в «свое» время в теннисном зале, я там обнаружил наглых молодых людей, которые играли уже не один час и вовсе не собирались покидать спортплощадку, несмотря на мой «дутый» авторитет, от которого я млею последние десять дней. Этот переход с ледокола на другой, срочно отправляющийся в рейс, был не просто перестановкой по службе. Услышав обо мне, многие из здешних обрадовались, поскольку знали мой либерализм, чуткое отношение, ровное поведение. Всех «забодал» предыдущий лекарь, требующий в сущности того же, необходимого по инструкциям и правилам. Просто те параграфы и абзацы я старался обходить, отмечать их только в документах, а не буквоедствовать огульно, по каждому поводу. Влезая раньше в другие экипажи «чужих

монастырей», мне приходилось доказывать свои плюсы, пока не заканчивалась навигация, и порою я так и не обретал положенных себе знаков...

Но вот впервые, кажется, совсем неожиданно для себя, я это ощутил здесь, где когда-то отходил долгие одиннадцать месяцев. Собранный почитать на лаврах, я споткнулся на ровном месте, в перепалке у теннисного стола... Я был вне себя. Потому как знал — в ограниченном пространстве, в тупом унылом одиночестве души и тела распорядок, режим, налаженный, бесповоротный, — становится фетишем. Иначе — свихнешься.

* * *

Наконец-то объявили о пересадке. Заканчивался очередной этап моей морской жизни, — я переходил из разряда пассажиров в действующие члены. «Академизм» мой заключался теперь в сохранении здоровья ста тридцати находящихся на другом борту. Мы с докторшей, все десять дней опекавшей меня в столь затянувшемся моем заточении, теперь стояли вместе на палубе, прикрываясь от злого ветра середины июня, и она в который уже раз просила моего содействия — выпросить у дождавшегося меня фельдшера еще хоть пару флаконов растворов. Коллега лечила основательно — назначала капельницы хилым гипотоничкам, а заодно и истеричкам. За полторы недели моего пребывания почти каждый день или вечер в лазарете лежало по двое, а то и по трое больных. Мне приходилось помогать, хотя по статусу я мог и отстраниться — смотреть телевизор или почитать книги. Впрочем, это надоедало, и вольно или нет, но я оказывался в сфере деятельности неугомонного врача, давно разменявшего шестой десяток. Это не мешало ей слыть активной и трудолюбивой. Торосила льды она уже достаточно долго, с десяток лет, — поэтому и поучала меня. Приходилось внимать: несложные обязанности врача торгового флота — «торгаша» — развратили меня. Новый, «высший» пост, где я должен был теперь трудиться, требовал совсем других отношений. Так мне думалось. Поэтому, когда мой фельд-

шер, шедший впереди с моими сумками, заваливался то на одну, то на другую — в отсутствии качки — сторону, то я немного от такого его поведения опешил. Но помощник мой настойчиво твердил невразумительное о только что прошедшем празднике независимости, который он отмечал прошедшим днем, совсем еще недавно, всего лишь с час тому назад, что, впрочем, по светлomu времени, определить было сложно, стояла уже глубокая ночь, и определять время без часов было невозможно... Хватало снега и в неосвещенной каюте — для того, чтобы разглядеть убогое свое новое жилище; узкий коридорчик на два метра с закуточком за ним и едва вмещающиеся, расположенные по краям, стол, диван и койка. Из сверхштатных вещей еще громоздился обшарпанный, выдававший виды холодильник, периодически издававший дребезжащий звук, который наряду с шипением батарей обрек меня на полубессонный остаток ночи. Чугунная с утра голова днем загудела еще сильнее, а к вечеру разболелась неимоверно и беспокоила непрерывно в течение первых трех дней, несмотря на полный, на другую ночь, с раннего вечера и до позднего утра, — отдых. Лишь потом я понял природу своего страдания. Это была так называемая головная боль напряжения. Простодушная поговорка «зачем мне эта головная боль», оказывается, имеет основу. Навалилось столько дел и забот, которые нужно было разгрести не одну неделю, а может быть, и месяц. Вдобавок беспокоила одна из женщин, решившая наконец-то родить. Естественно, уходить с корабля, как это предписывается, она не захотела, хотя к этому я ее настойчиво призывал. Женщина была склочная, скандальная, к тому же беременность ее была давно ожидаемая, — детей она не имела, а мужа вот недавно себе приобрела. Тот находился даже рядом, при подшкиперской должности, лицо значимое в экипаже, материально ответственное. Именно он после ужина третьего дня дождался моего выхода из столовой и настойчиво приглашал в свою каюту. Там, на мокрых от крови простынях, лежала его супруга, у которой почти не было видно лица — оно было такое же белое, как и неиспачканное рядом белье... Потасили несчастную в здравпункт, расположенный недалеко, на этой

же палубе, — так что женщину не пришлось тащить куда-то наверх или стаскивать вниз. Ей уже, впрочем, было все равно; она впала в забытие. «Ты приготовил инструмент?» — спрашиваю на ходу, готова капельницы, фельдшера. Тот что-то бурчит в ответ, и я с ужасом, почти нескрываемым, с содроганием по всему телу соображаю, что набора для срочного вмешательства — чистого, стерильного — нет!..

Непонятные отношения сложились у меня с этим фельдшером со странной фамилией Культияпа. Он продолжал оставаться и вел себя так, словно был главным врачом судна. Даже место, стул в амбулатории занимал тот, на котором должен был сидеть я. Усиленно распространял версию, что он с высшим образованием, и многие искренне верили, что Культияпа — врач. Я столкнулся с этим уже позднее, в разговорах. За прошедшие два дня вперед я не лез, мне нужно было разобраться, присмотреться, оценить обстановку.

Экипаж был на порядок большим по численности, чем там, где я работал раньше. Тут был и другой режим, статус — ежедневно нужно было появляться в месте, именуемом здравпунктом — по документам. На словах же это был медблок, а по назначению — амбулатория. Странное сочетание функций. Наворочено было всего — для неотложной помощи, конечно. Но остались помещения для проверок крови, рентгенкабинет; имелся еще отдельно расположенный изолятор, никогда не использовавшийся по назначению. Тут же располагался лазарет на две койки. Да и штаты, когда-то раздутые до 6-7 человек, теперь превратились всего в пару единиц. А Культияпа последние полтора месяца вообще оставался здесь один, чем и расположил к себе, завоевал популярность. Бедовым оказался этот пятидесятилетний мужичок, уже вышедший на пенсию, — ветеран, стремящийся в мальчишки; читающий примитивный учебник, обсуждающий и осуждающий всех медиков, которых знал и с кем работал, врущий тем не менее, что все значительные лица — ему друзья. Я еще того не знал, но мне придется помыкаться с этим «Культияпкой», и не в одном рейсе. Мы чуть не потеряем больного, с трудом выводя его из шока; я чуть не окажусь в дураках, когда он подставит меня

в одной из замен, где нужно было подготовиться к строгой проверке, после которой мне придется писать объяснительную, изворачиваться и лгать, чтобы оправдаться... Не знал я и того, что Культяпа уволится через четыре года, а на его место я устрою замечательную женщину, ставшую мне потом женой...

...Естественно, я готовился к подобного рода случаям. Выведал у опытной докторши, когда был «пассажиrom», особенности кишечного шва-анастомоза, вник в премудрости аппендэктомии, в хитрости анестезии. Попутно наставница характеризовала Культяпу, так что я имел представление о будущем помощнике. Тот, само собою, утверждал, что разбирается и в операциях, когда участвует в них подавалой, дает единственно правильные советы, типа «углубляйся!», и оператор — «углубляется»...

Все решали минуты, но, может, десятки, в пределах 10-15-20-ти. А дальше, если не «чистить», могло случиться непредсказуемое, все что угодно, и самое невероятное, близкое по состоянию и угрожаемое жизни, — «неуправляемая гипотония», синоним шока почти что. Значит, пока хоть нужно было накачивать жидкость. Любую. Не держать организм без давления. В голове прямо-таки стучал вопрос знакомого реаниматолога: «Давление держит?» Из прошедшей жизни, периода отпусков, когда подрабатывал на скорой помощи или в приемном покое...

Итак, времени нет. Приготовление стерильных инструментов вылилось бы минут в пять-десять, ну, может, сорок, если, скажем, их остудить потом спиртом. А если весь выбор поджечь синим этиловым пламенем? Нет, гарантий стерильности мало, да и Культяпа не поймет, если я истрачу столько драгоценного концентрата. Только-только отрегулировали, оформили большую недостачу, и вот на тебе — опять выкручиваться... Что же, что же делать? Что предпринять? Как выпутываться из этой тупиковой ситуации? «Ситуация» — слово, только в акушерской практике имеющее значение и вес. Нигде, ни в какой другой медицинской специальности оно не встречается в лексиконе или, скажем — в учебниках, пособиях, монографиях. Обходятся как-то без этого запутанно пугающего определения... Мне отчего-то

становится нехорошо, не по себе. Откуда-то в голову лезут слова: «Глюкоза капает... и пусть капает... Матка сократилась, наблюдаем...» Ах, это из разбирательства на комиссии, родовспомогательной, в одной из республик России, в Министерстве здравоохранения. Я тогда еще готовился в специалисты, стажировался в Республиканской клинической больнице, и нам было предписано посещать такие совещания, избияния-поучения. В одном из районов, в захолустье, где не было гинеколога, абортировали женщину в запущенных сроках, а потом из-за осложнений оперировали, но не спасли. Хирург, ее резавший, молодой, холеного вида главврач той местной больнички, весь какой-то лоснящийся, под «жгучего брюнета», чуть не весело объяснял, как он почитал перед вмешательством руководство и, не имея ни подготовки, ни опыта, ни даже согласия родственников, решился на сложную операцию удаления матки. Помню, как выступала патологоанатом, миловидная молодая женщина, с дрожью в голосе читавшая заключение описания органов, развившихся от заражения, прямо-таки гестаповскую хронику, да так ее на середине и прервала председатель, замминистра по родовспоможению, — «достаточно». А ту тираду о глюкозе процитировала та же председательша, от записанного со слов акушерки, обратившейся к другому доктору, хирургу, когда еще не было поздно, а тот и отшил повитуху, и оказался основным виновником — не предвидел опасности, не оценил ситуацию...

Вся-то жизнь, все взлеты и падения зависят от случайностей. Если бы в прошлом году я не очутился на судне, на котором когда-то «ходил» первый свой «торгашный» рейс и где была у меня встреча — первая и последняя ночь любви, той самой, растянутой на двадцать лет привязанности к женщине, которая мне и подарила тот флакончик страсти, который меня волновал потом еще пару лет, и я снова купил подобный «патрончик», но странно, уже не наслаждался им и легко расстался, не попользовавшись, — неизвестно, чем бы закончилось мое с фельдшером головотяпство. Даже название проступка помощника подходило к его фамилии...

Так вот, на том судне был врач, удивительно

приятный, общительный, который завел меня тогда в амбулаторное помещение напротив врачебной каюты, и там зашел разговор о стерилизациях, ее способах, и доктор показал чудодейственный порошок, иностранный, чистящий инструменты за считанные минуты. «А если больше?» — спросил я, удивленный. «Тогда ржавеет». Этот магический препарат на ледоколе был! Буквально вчера он мне попался на глаза, когда я обшаривал процедуру. У меня привычка: самые важные места работы, чтобы все было под рукой, обследовать полностью — все стенки, полочки, ящики, потаенные места. Порошок тот валялся навалом, в упаковках в полиэтиленовом пакете, видимо, за ненужностью, — в самом дальнем, последнем выдвижном отделе. Я надел перчатки, разрезал одну из упаковок средства, растворил в большом стерилизаторе, где струдился, выпирая браншами, тот самый набор, для «ревизии». Культяпа попал наконец-то после нескольких попыток в локтевую вену, и пока женщина окуналась в наркотический сон, я уже сливал розоватый раствор. Времени хватило как раз на восемнадцать минут, чтобы приготовиться. Одновременно прекратилось движение, ледокол остановился. Я просил, предупреждал капитана — веселого, бодрого старичка, который, правда, предложил воспользоваться помощью доктора соседнего, проводимого, судна. Но именно он консультировал женщину, бывший тоже гинеколог, назначивший почему-то энергетические средства, глюкозу... Не исключено, что от этого матка и «завелась»... Мне тот бывший, еще когда-то и заведующий отделением, был не нужен.

Если что-либо когда-либо подобное делал, уже никогда не забудешь. Руки вспоминают сами. Мневматика, проприокинетика — мышечная память, механизмы обратно-возвратных связей. Голова не думает, но руки, а именно кисти — действуют автоматически. Я работаю. Взмокший лоб под шапочкой у мужа, кажется, сейчас прольется потом, каплями, которые никак не должны попасть на лоно или животazole пупка. Супруг вцепился в поставленное, поднятое колено жены так, что кожа суженой под его пальцами посинела. Я говорю буднично так, обыденно, что никуда его страдальца не

улетит, и он чуть заметно хватку ослабляет. Но оказалось, что был не прав именно я. Через минут десять, когда уже все действия с ней закончил, женщина витала выше облаков, совершенно никого не узнавая, вспоминала отчего-то адлерский поезд, то близкое, ласковое море с шуршащими его волнами у берегов... Она держала руками уже меня, а супруг бесследно, незаметно, вмиг — исчез. Мне же хотелось сбросить еще не остывшее напряжение, выпить чего-то обжигающего или хотя бы зажечь сигарету во рту... Но вдруг я поймал себя на том, что не чувствую боли в голове — она была свежая, ясная, как будто бы после парной бани или освобождения от сна. Женщина, гладившая мне руки, уже стала очухиваться, озираться, спрашивать про мужа. Мне хоть и приятны были ласкающие прикосновения нежных пальчиков, но теперь можно уже и нужно было разыскивать законного супруга...

...Культяпа ввел меня в курс дела окончательно и укатил через неделю со следующим проводимым судном. Оставшись один в медблоке и без кого-то на судне, долго знавших меня, я вначале немного подрастерялся, но потом приспособился, привык. Информационный голод утолял работой в библиотеке и телевизором; в общении довольствовался спасенной и ее подружкой, а ненасытные желания заглушал в остром соперничестве в шахматах. Потом прибавились занятия в спортзале, прогулки на воздухе с заучиванием-бормотанием стихов. И все же я не рассчитывал, что рейс, начавшийся с испытания меня как медика, затянется на столь долгое время. Я плавал как-то четыре месяца, и это казалось мучительно невозможным сроком — в тоске по жене и детям. Потом походил пять месяцев, дальше оказался в полугодовом рейсе. На торговом сухогрузе обошел половину «шарика» за семь с половиной месяцев. Но вот здесь, на первом своем ледоколе, атомном, я задержался на целых одиннадцать месяцев, с июня по май, никак не предполагая и не рассчитывая, что смогу выдержать такое долгое испытание.

И когда я ступил, пошатываясь, на твердую почву под ногами, зарядился от нее, родимой землицы, пришел в себя возле причала, у своей конторы, очутился за проходной, появился в

отделе кадров и бухгалтерии, где мое лицо забыли и долго внимательно в меня всматривались, и все окружающие мне казались почему-то ниже ростом, а голоса их слишком громкими, я понял, что не сразу привыкну к новой для себя жизни. Подошли мы к берегу с утра по высокой приливной воде, к началу рабочего дня, в пятницу, и я попал сразу же как бы на «бал» — еженедельную конференцию врачей, подводящую итоги трудовых буден. Но вначале была представлена «короткая информация», для сведения. Начальник, пославший меня, встает и приветствует, будто героя-полярника, потому что объявляет, что я оказываюсь «самым-самым» за все годы существования службы на подобных судах перекрывшим все «рекорды». Кто-то «ходил» девять месяцев, кто и полтора года, но с заходом, и вот только мне удалось почти год, без одного месяца, день в день. Замеченное мною перешептывание среди сотрудников я отношу, особенно женской ее части, к своей нежданно свалившейся славе. Многозначительные взгляды поднимают меня в собственных глазах, и я кажусь себе героем.

Но все объяснилось по-иному. Один из немногих мужчин коллектива, знакомый мне слегка по рыбному флоту, проясняет ситуацию, проговаривается. Оказывается, прокатились и разнеслись, с навороченными подробностями и ужасными примерами, сведения неприличия о моих «абортных» делах. Будто бы я крушил едва начавшиеся беременности с размахом, потому что специалист, и конечно — за услуги, в том числе и сексуальные. Мы прошли с приятелем-врачом от конторы пешком, уже после выходных, в понедельник, когда я получил расчет, вышел пораньше, нам оказалось по пути, и я слушал со все возрастающим удивлением и возмущением отошедшую вроде муть сплетен, но теперь вновь всколыхнувшуюся. Вскоре я ушел опять в море, в частный промысел, на семь с половиной месяцев своего заработанного в Арктике отпуска и возвратился уже к декабрю, к разбитому корыту семейного уклада...

* * *

Докторша, с которой я ходил пассажиром, уже потускнела; годы, как ни крути, брали свое. Она вполне мне годилась в матери, — разница позволяла. «Я ж не могу», — возмущалась она, тяжело приподнялась со стула, неторопливо двинулась к шкафу, помедлила что-то, снова приблизилась к месту, опять уселась. Я предложил ей пойти в тот рейс, в который только что согласился сам, незапланированный, неожиданный, — чисто для профилактики, для затравки, зная, что она откажется и что я «обломлюсь». И уже думал после отказа, автоматически, утешая себя: «А я, значит, могу. Бегать и суетиться, думая про себя, как бы чего не забыть, не упустить, расправиться с этим ворохом дел, отбросить все лишнее: собирать вещи, переписывать счета банков на доверенности, стучать на машинке с передаточными актами, договариваться, где оставить ключи от квартиры...» Финансовые проблемы были самыми важными, нужно было оставить не только поручения, но еще и возратить долги. Я не зря появился у докторши, здесь же работала та, от которой я и надеялся кое-что получить, — камбузница. Она была толстоватая, невидная из себя, но очень говорливая, хитрая, расчетливая и даже на первый взгляд придурковатая, но представляла все же ценность в том, что выдавала информацию, достаточно точную и часто подтверждаемую. Я убедился в этом за несколько лет знакомства с ней, именно с того времени, когда впервые появился на том ледоколе, куда сейчас и определялся второй раз. Благодаря своему умению — трудолюбию, безотказности в работе, пронырливости, она перебивала почти на всех ледоколах флота, знала все про «всех и вся». «Культияпа увольняется», — сообщил я мимоходом об общем знакомом, вспомнив увиденный в «кадрах» приказ. «А... Культияпа! Тяпа, растяпа, ой, ха!» — и ее заносит на новую, подсказанную мною тему, и я узнаю про то, о чем, может, и догадывался все эти годы, но только теперь, в правильно выверенной и логически выстроенной схеме, мне все становится ясно. Именно Культияпа разболтал про мои абортные дела, именно себе он приписал «героические усилия» по спасению жизни при

выкидыше, вплоть до того, что он сам делал операцию, а доктор ему только помогал, но лишь потому, что сам способствовал осложнению. И потом, примерившись и научившись, доктор открыл «абортарий», делал «чистки» всем желающим за услуги всякого рода, в том числе и... Это теперь женщин проверяют перед выходом в рейс за день-два, а тогда залетов было хоть отбавляй...

...Через два дня я уже снова качался на волнах. Умом понимал, а душа сопротивлялась и не верила, какой срок отмерен этому безрадостному существованию — без близкого, приятного телу человека; в унылом расписании завтраков, авралов, учебных тревог. И лишь «тонкий яд воспоминаний» грел иногда сердце. Подумалось, как давно, еще только начинающая работать акушером-гинекологом, но уже достаточно, года два или три, я приходил к неожиданному для себя выводу, что не хочу заниматься — этой кровью, гноем, околоплодными водами, калом, мочой. А вернее, мне приелась постоянная череда одного и того же набора, стандартных, повторяющихся «ситуаций». Оказалось скучным сталкиваться с одним и тем же... И я стал менять, по мере возможностей, свои пристрастия. Работал кардиологом в санатории, трудился врачом «скорой», подрабатывал терапевтом в приемном покое, являлся судовым медиком в нескольких флотах. И мне кажется, что именно акушерство меня вывело на странно причудливый трудовой путь и позволяло применять, довольно успешно, не слишком прочные знания

и едва наработанные навыки. Как из туга скатанного луча, из повивального искусства, из этой основы, начинающей жизнь, исходят все другие врачебные науки, как из белого света расходится разноцветье... Здесь и хирургия с умением резать и шить, тут и развернутая терапия всех пограничных состояний беременности и родов, и психология взаимоотношений, и педиатрия для человечков, только что появляющихся на свет...

У меня было чувство человека, дважды вошедшего в одну и ту же реку. И только по прошествии трехнедельного физиологического цикла привыкания меня стало охватывать другое, противоположное, ощущение, что такого не бывает, все течет и меняется ежесекундно, в каждое мгновение протекающей мимо тебя воды... Но и то, что уже было когда-то, также влияет на тебя, и только положительным, спасающим образом. Потому что судно, где ты провел тринадцать месяцев жизни (через два года после одиннадцати я здесь прожил еще три недели и теперь пребывал столько же), становится родным, близким и не подведет, выручит. Говорят, родина там, где произошла любовь, — и мне тоже было уготовано такое здесь, но с разочарованиями. Но я все равно чувствую себя легко.

2003 г. Карское море, а/л «Арктика»

Николай Николаевич РОГОЖИН

родился в 1952 г. в Коми.

В 1975 г. окончил медицинский институт в Архангельске,

в 1979-м — курс режиссуры

Заочного народного университета искусств в Москве.

Печатал рассказы в региональной прессе, в «Медицинской газете».

Автор двух книг прозы — «Практика любви» (2004)

и «Кесарево сечение» (2009).

Написал сценарий по мотивам романа Н. Скромного «Перелом»,

готовил к печати его посмертную книгу.

Живет в пос. Мурманши (Мурманская обл.).

